

Феноменология молчания

Научный руководитель – Аветян Наринэ Сумбатовна

Галанзовский Алексей Сергеевич

Студент (специалист)

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Факультет истории, коммуникации и туризма, Кафедра социологии и специальных социологических дисциплин, Гродно, Беларусь
E-mail: halanzovskiy@gmail.com

Высказывание чего-либо долгое время определялось как само собой разумеющееся, как то, что неразлучно с человеческим вообще, но быть может единственно верное и важнейшее находит свое существование в недосказанности и умолчании, в том легковесном и проходящем, что довлеет над всяким, но не решается, да и не может быть высказано. Речь сама по себе временна, ибо всякое говорение о чем, чье и к кому основано в экстатичном единстве временности [Хайдеггер, 2015. С. 349]. Эти слова, как мне кажется, раскрывают нам фундаментальный смысл речи. Артикуляция, некоторое проговариваемое, лежит не только лишь в тональности и темпе, но и во времени, - и именно к последнему и следует обратиться.

Речь всегда конституирует сущее как то, что явлено, но не стоит полагать что с помощью языка она в полной мере высвечивает наличное, но она определенно фундирует понятливость сущего. Время устанавливает точку в этом просвете сущего, мысль наделяется не только лишь формой, обыкновенно усредненной, но и моментом, - в возможной или случившейся ситуации определенной языковой игры. Если я могу вообразить вещь в ситуации, то я не могу вообразить ее вне этой ситуации [Витгенштейн, 2018. С. 309], здесь важно обратить внимание, что не всегда ситуации старательно выверена в хронотопе, не всякая ситуация насыщена смыслом, но всякая имеет значение.

Высказывание суть выход наружу, бытие-в, того что некогда было исключительно частью универсума субъекта, а после обнаружило себя среди вещественного и определяющего. Вовне-выговоренность речи есть язык [Хайдеггер, 2015. С. 161]. И именно выход наружу, и определил усредненность усмотренного, человек обнаружив себя в мире, нашел свое место среди манифестации человеческого (*das Man*) и про-изводящего (*Machenschaft*), что в свою очередь и низвело сущее до положения звуков и символов сделав его частью гадательных манипуляций механизмов.

Судьба же невысказанного, всего того что редуцировано до тончайших эскизных идей, определяется временем. Чтобы суметь молчать, присутствие должно иметь что сказать, т.е. располагать собственной и богатой разомкнутостью самого себя [Хайдеггер, 2015. С. 165]. Но не всякое говорение вызвано разомкнутостью присутствия (*Da-sein*), имеет место и пустынные вторящие речи, лишённые всякой оригинальности и целимые в пространственные описи наблюдаемого, делая его публичным в пересказах. Мысль выжидательна, она требует времени и того, кто решиться обнаружить ее в своем голосе, бытие не забыто - оно лишь умалчивает свое основание, быть может этим и указывая на него.

Говорит ли молчание? Определенно, но язык этот находится в категории возможности. Когда я говорю о каком-либо явлении или объекте, я говорю не только лишь о нем самом, но и о возможности этого явления/объекта, или иначе: утверждая я умалчиваю, т.е. свожу линии смыслов к единообразному, а впоследствии мыслю его исключительно в целостности этих смыслов, не утверждая их более, но соглашаясь с возможностью - это и есть молчание. Стало быть, молчание и есть усредненное представление? Но это не совсем

справедливо, несомненно сперва это так, но расхожие категории имеют обыкновение быть облеченными в семантические пучки многозначности, и именно тогда возможно ухватить ритм молчания, того первородного что являет себя в толках. Умолчание как модус говорения артикулирует понятность присутствия так исходно, что из него вырастает настоящее умение слышать и прозрачное бытие-с-другим [Хайдеггер, 2015. С. 161].

Я могу знать, что думает другой, а не я сам [Витгенштейн, 2019. С. 356]. Что здесь скрыто? Неизмеримое изгнание, умалчивает всегда некто другой, мое собственное невысказанное находится в ощущениях потенции, будущности и возможности, экстатичности молчания. Затененность логоса - диалог Я и не-Я, и разрешение оно в субъекте и вещи, молчание - язык этого диалога, время - ситуация, иначе: картина взаимовлияния события (Ereignis). Должно добавить, что если доселе мы рассматривали в молчании, пускай и скрытый, но все же возможный знак, то теперь обратим взгляд на современность. Найдется ли место молчанию? Да, но лишь эрзацу. Умалчивается теперь не потому, что заброшено в человеческое (das Man), но потому что, теперь нет места человеку вообще, в смысле: речь более не инструмент манипуляции с молчанием, само молчание стало инструментом. Люди стали размечать, и определять, какова суть человека и что есть поле его зрения. Знаки более ничего не скрывают, - лишь выпранный накопительный культ.

О чем нельзя говорить, о том должно умолкнуть [Витгенштейн, 2005. С. 219]. Мы долго говорили о феномене молчания, но разобрались ли мы в нем? Нет, наше разбирательство хаживало торными путями высказанного, единственно важное, лишь то что не нашло здесь своего места, то что останется молчаливым в горизонте времени.

Источники и литература

- 1) Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.
- 2) Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2019.
- 3) Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916. М.: Канон+, 2018
- 4) Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015.